

Ветер в окошко стучал то и дело.
Долго судьбе я протягивал руки,
Долго с деревьев листва не летела,
Долго судьбе не хотелось разлуки.

Долго рыдалось... И слышалось долго,
Как за деревьями мечется птица.
В тучах прорезалась узкая щелка,
Месяц пролился на бледные лица...

Ворон поежился... И задрожала
Влага на тронутых пеплом подкрыльях.
Было здесь белому белого мало,
Черное сделалось черною пылью...

Не понимая, что стало со мною,
Брел я... И мучился, не понимая,
Что задышал мой отец под землею,
Встал и побрел, корневища ломая.

Так и бродили мы... Я — по дороге,
Он — под землею с извечною тростью.
Еле держали разбитые ноги,
Жутко скрипели усталые кости.

Ну а потом прекратилось и это...
Брызнула с веток крикливая стая.
Скрипнули ставни... А после, с рассветом,
Враз облетела листва золотая.

* * *

Замкни свой слух... Утишь свой голос,
У ног Отечества присядь.
Увидь, как правда раскололась
На Бого-ложь и Бого-мать.
Пока, бессловен и безвластен,
Ты облачен в напрасный плащ —
К любой тоске деепричастен,
Любому долгу подлежащ:
Тебе воздастся полной мерой,
Когда, на истину похож,
Ты побредешь по стуже серой,
В чепце небесном побредешь.
И сбудется всего лишь Слово,
Когда ты вдруг посмеешь сметь
В момент раската грозового
Напрасной музыкой греметь.

* * *

Нежно, тепло, соболино,
Светятся возле плеча
Русского слова лучина,
Русского духа свеча.

Входят с рассветною ранью,
Так, что мгновений не жаль,
Русское это преданье,
Русских сказаний печаль.

Прочих стремлений превыше
Жажда — на лавку присев,
Русскую песню услышать,
Русский щемящий напев.

Не добредя до постели,
Песни наслушавшись всласть,
Где-то средь русской метели,
В русских просторах пропасть...

* * *

Там, на изломе крика и любви,
А может быть и жизни на изломе,
Меня своим ты больше не зови —
Тобою полон дом... И пусто в доме...

Тебе одной, печальнице моей,
До сей поры все так же непонятно,
Чей это плач — в ночи, из-за дверей?..
Что за слова бормочутся невнятно?

Все знает ночь... Одна сплошная ночь,
Что ослепила дух на две недели.
Которую не в силах превозмочь
Ни свет зари... Ни белый свет метели.

Она явилась, плечи мне вдавив
В пуховую раздумчивость подушки.
И сердце застучало — на разрыв,
И заструились медленные стружки...

Все, как всегда — не бойся, не проси...
Но гложет чувство, зло и неминуче —
Чтоб вознестись туда, на небеси,
Вначале упади, сорвавшись с кручи.

* * *

Нам велел господарь
Не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
Велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
Пот кипел в цепенеющих порах,
И махал нам рукой,
И смеялся вослед господарь.

Мы кричали и шли,
Мы утробное что-то кричали.
И в кровавую жижу
Уже превращалась роса.
Мы — живучей врага,
Мы — живучей отточенной стали...
Прикипали к шеломам
Вспотевшие враз волоса.

Эта жуткая сечь...
Скособоченных лиц пучеглазье...
Этот, насквозь пронзенный,
Роняющий кишки живот...
Не слыхав про экстаз,
Мы метались в кровавом экстазе,
Меч вонзая в убитых —
А вдруг, полежав, оживет?

Каждый тихо молил —
Не по нем чтобы ладили тризну,
Каждый страстно хотел
Кровь врага, как вино, изолкать,
Перед смертью вдыхая
Серебряный воздух Отчизны,
Чтоб вражина не смел
Тот серебряный воздух вдыхать.

Отступала дружина,
Чтоб лишние силы не тратить.
Отступая, кричали любимым своим:
«Я вернусь...»
Враг врывался и жег,
Местных девок спеша обрехатить.
И в колодцах топил
Осиянную светлую Русь...

И родился народ...
Из Орды и непаханных пашен,
Из вражды и проклятий,
Из тысяч смертей в недород...
Мы им — головы с плеч,
Они женщин брехатили наших,
Перемешаны крови ...
Но все же родился народ.

Как его разделить,
Хоть уже наплодилось умельцев,
Только ужасы помнить,
Не помня связующих вех?
Тут поди отличи
Поджигателей от погорельцев,
Коль одно пепелище,
Одно пепелище на всех...

* * *

Время такое... Неясны сроки,
Ужасам нет конца.
Даже, когда небосвод высокий,
Не открывай лица.

Даже, когда золотые звуки
Плещутся у щеки...
Даже измученным от разлуки
Не подавай руки.

Все позабуди... Пусть темно и немо
Ближний уйдет во тьму.
Даже, когда он взлетает в небо,
Не прикоснись к нему.

Ну а минуты твои прервутся,
Замертво рухнешь ниц,
Ближние губ твоих не коснутся
И не откроют лиц.

